

АРТИСТЫ- ВОИНЫ

ОЧЕРКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ

«МУЗИЧНА УКРАЇНА»

АРТИСТЫ- ВОИНЫ

ОЧЕРКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ

КИЕВ
«МУЗИЧНА УКРАЇНА»
1985

85.313(2)7
А86

Издание посвящено творческому пути Ансамбля песни и пляски Киевского военного округа в период Великой Отечественной войны. Со своими воспоминаниями в сборнике выступают бывшие участники ансамбля — ныне известные мастера искусств: композитор, народный артист РСФСР Марк Фрадкин, народные артисты СССР Юрий Тимошенко, Ефим Березин, Николай Фокин и другие. Книга иллюстрирована photographиями.

Для широкого круга читателей.

Составитель *А. Я. Сыроватский*

Рецензенты:

С. А. Крыжановский, доктор филологических наук

Н. К. Боровик, кандидат искусствоведения

БОЕВОЙ ЗАПЕВАЛА

В период Великой Отечественной войны в нашей действующей армии было немало военных ансамблей и артистических бригад, журналистов и писателей, кинооператоров, лекторских групп. С начала войны встал в солдатский строй и Ансамбль песни и пляски Киевского Особого военного округа. В те годы он был переименован в Ансамбль песни и пляски Юго-Западного фронта (позже его название менялось в зависимости от того, на каком фронте выступали артисты). Своим искусством он вдохновлял защитников Родины на самоотверженную борьбу с фашистскими захватчиками.

Мне не раз приходилось быть свидетелем того, какой огромный заряд бодрости, высокого боевого духа вносил этот коллектив в массы солдат. После его выступлений воины, забыв об усталости, снова готовы были идти в бой, только бы приблизить победу.

В трудные годы войны руководители ансамбля заслуженные артисты УССР хормейстер Е. П. Шейнин и балетмейстер П. П. Вирский сумели организовать работу коллектива, ставшего фронтовым запевалой. Его песни очень полюбились солдатам.

В этом ансамбле получила свое боевое крещение «Песня о Днепре», написанная М. Фрадкиным на стихи Е. Долматовского. Крылатая песня звучала почти на всех фронтах. Любят ее и в наши дни.

Композиторы М. Фрадкин, Н. Чайкин, Е. Шейнин создали в те трудные годы много песен, которые стали неразлучными спутниками воинов.

В концертные программы входили русские, украинские, белорусские танцы в постановке П. Вирского.

В этом коллективе, наряду с песнями и танцами, звучало художественное слово, острая сатира, юмор. Его представляли известные сейчас артисты Ю. Тимошенко и Е. Березин.

Нравились солдатам и выступления солистов О. Дарчука, С. Иващенко, П. Кармалюка, С. Когана, Н. Фокина, ставших позже оперными певцами. Благодаря их мастерству воины и в походных условиях слушали не только массовые песни, но и произведения отечественной классики.

Фронтная концертная деятельность, постоянное совершенствование мастерства способствовали профессиональному росту артистов. Неудивительно, что из этого ансамбля вышли известные исполнители, заслуженные работники культуры.

Большой путь прошел наш боевой ансамбль. Он выступал под Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре, Висле, Одере, Шпрее... А 3 мая 1945 года в поверженной столице фашистского рейха советские воины-победители слушали концерты своего боевого запевала. Артисты посвящали их Дню Победы.

Воспоминания ветеранов войны о фронтовом запевале расскажут читателям о самоотверженном служении Родине артистов-воинов, которые в грозные годы войны вместе со всем советским народом встали в строй, чтобы своим вдохновенным искусством помогать защитникам Отчизны в борьбе с фашистскими захватчиками.

**Н. Антипенко, генерал-лейтенант,
доктор исторических наук,
бывший начальник тыла —
заместитель командующего фронтом.**

ПЕРЕКЛИЧКА

Встреча с друзьями радует всегда. А если этот друг — песня? Летит ли она над ромашковым лугом, входит ли в серой солдатской шинели в землянку или под задушевную гармошку рассказывает на коротком привале о разлуке с любимой... Везде она находит друзей. Всегда ее встречают как родного, близкого человека, доброго товарища.

Песни солдатские...

Как дороги они каждому из нас — и снявшему опаленную войной шинель, и вчерашнему школьнику, готовящемуся встать в строй защитников Родины.

Незабываемые песни времен гражданской войны, Великой Отечественной... Они вели нас на подвиги, вселяли веру в победу.

На рассвете 22 июня 1941 года киевлян разбудили выстрелы зениток и разрывы авиабомб. Фашистские захватчики бомбили столицу Украины. Гитлеровская Германия, нарушив договор о ненападении, вероломно вторглась на территорию Советского Союза. Началась Великая Отечественная война.

В эти дни Ансамбль красноармейской песни и пляски Киевского Особого военного округа был переименован в Ансамбль песни и пляски Юго-Западного фронта, а его участники стали бойцами. Получив винтовки, набитые патронами патронташи, противогазы, с музыкальными инструментами за плечами мы начали свой путь по длинным и тревожным дорогам войны.

В концертах исполнялись новые тогда песни: «Священная война» (музыка А. Александрова, слова В. Лебедева-Кумача), «Все за Родину» (музыка Т. Хренникова, слова В. Гусева) и другие.

Фронтвые концерты часто проходили с утра до позднего вечера. Нередко бывали и ночные выступления, после которых воины отправлялись прямо на передовые позиции, как это было, скажем, под Славянском.

...В ночном лесу по-особому торжественно звучал хор, а русская народная песня «Ноченька», которую

с большой теплотой исполнял Н. Фокин, как будто специально была создана для «зеленого театра».

Где только не приходилось нам выступать!

Окружив артистов-воинов тесным кольцом, красноармейцы располагались на поляне, на машинах и даже на деревьях. Надолго остались в памяти солдат эти концерты. И мы, артисты, вспоминаем их часто. Дружными аплодисментами награждали слушатели певцов, танцоров, чтецов.

Очень часто и песни, и стихи в те трудные годы рождались в окопах в перерывах между боями. Нравились солдатам частушки нашего танцора Ф. Корицкого:

Я с винтовкой не расстанусь,
С нею дружно буду жить,
Защищать страну родную
И фашистских гадов бить.

Так начиналась веселая, полная задора и шуток армейская пляска. И солдаты, после длительных походов, жарких боев, забыв об усталости, сами готовы были пуститься в пляс. А после концерта Андрей Приходько и Василий Митькин растягивали меха своих баянов, начинались танцы. К баянистам присоединялись флейтист Сергей Соколов, кларнетист Сергей Дубков, Леонид Меркулов со своей бас-балалайкой, а потом и весь оркестр. Гремела музыка! Солдаты в своей удали и темпераменте не уступали артистам. Дружеская встреча с ансамблем во время короткого привала становилась веселым праздником. Мне запомнились слова одного офицера:

— Ваш концерт принес нам много радости. Заведем вас — будем бить фашистов с таким жаром и мастерством, с каким вы поете и пляшете.

...Гоголево, Прилуки, Нежин, Конотоп... Фронтовые дороги привели нас в Переяслав-Хмельницкий.

Мы выступали в этом красивом городке перед самым началом войны... Теперь это была иная встреча... С особым воодушевлением звучала та же песня, которую пели в Переяславе-Хмельницком и тогда:

Дівчино моя, переяславко,
Дай мені вечеряти, моя ластівко...

Послышался гул моторов — этот несмолкающий аккомпанемент войны. Приближались непрощенные гости. Мы понимали, что нужно прервать концерт. Но

бойцы слушали нас с таким интересом! И концерт продолжался!

Еще слышен был рокот моторов и залпы зениток, а с фронтальной эстрады уверенно звучали стихи Бориса Палийчука:

Пушай гремит победоносный бой,
Чтоб им, фашистам, страх корежил кожу, —
Мы победим, товарищ боевой,
Мы победим, иначе быть не может.

Народ, который крепнет в дни боев,
Растет в борьбе, в лишениях мужает,
Такой народ всегда громит врагов,
Такой народ живет и побеждает!

Получив задание, ансамбль выехал на Полтавщину, в село Великие Крынки. Мы спешили — наши выступления нужны были солдатам. И вот перед нами зрители — мужественные воины, показавшие в боях чудеса храбрости и отваги. В момент решительной схватки с фашистами бойцы, перед которыми мы выступали, подпустили врага на 50 метров и, открыв огонь, уничтожили его. После упорных боев дивизия получила передышку. Этот короткий отдых наш ансамбль и постарался украсить своими концертами. Мы обслужили все подразделения.

Особенно запомнился прощальный концерт. После него воины уходили на огневые рубежи. Пришла пора расставаться. Генерал В. Д. Крюченкин тогда сказал:

— Фашистские головорезы трезвонят, что наша дивизия уничтожена, а я, ее командир, взят в плен. Но, как видите, мы живем и действуем...

Ваши концерты перед боем имеют для нас огромное значение. Прекрасные песни и пляски поднимают боевой дух защитников Родины, вдохновляют воинов на новые ратные дела...

А тут, откуда ни возьмись — Филипп Корицкий. Вышел и прямо к генералу:

Мы большим ансамблем нашим
Так сейчас на сцене спляшем,
Чтоб любой, кто видит нас,
Захотел пуститься в пляс!

Увлекаемые веселой музыкой, вихрем закружились в захватывающей пляске танцоры — Михаил Виленский, Владимир Викен, Александр Даничкин, Николай Тараканов. Не удержались и воины. Первым задорно

поддержал ребят сам командир, генерал Василий Дмитриевич Крюченкин. Он по-молодецки топнул ногой:

— Эх, я ведь тоже когда-то был танцором! — и пошел по кругу.

А вслед за командиром пустился впрыскаду комиссар Давид Семенович Добрушин.

Сидевшая в этом клубе пожилая женщина, глядя на сцену, громко сказала:

— Дэ там плакаты або журытыся. З такымы хлопцями нэ пропадэш!

...В сентябре ансамбль направили в Ромны, что на Сумщине.

Первое выступление начали в городском парке. Но тут налетели вражеские самолеты — концерт прервали. Поехали в воинскую часть. Выступали там. А на следующий день давали концерт для пехотинцев. Снова неудача — пошел дождь. Но солдаты прикрыли своими плащ-палатками баянистов, и концерт продолжался. Наверное, не один раз ребята вспоминали на фронте баяниста Николая Ризоля, который исполнял вариации на тему украинской народной песни:

Дощик, дощик крапає дрібненько...

И всем было от этой песни тепло и радостно, хотя промокли до нитки и зрители, и артисты...

На следующий день, еще до рассвета, мы покинули Ромны. Моросил дождь. Ехать было трудно и опасно. Автоколонна то и дело останавливалась. Застывшие в грязи машины с трудом вытаскивали. А тут еще и вражеские самолеты не давали покоя...

Артисты всегда были в боевой готовности. Главное — найти подходящее место, а за зрителями остановки не было. Сколько таких концертов для воинов, которые шли на передовую, или для тех, кто прибыл с переднего края, дали мы тогда! А то, бывало и так — увидим солдат на привале и начинаем концерт для них. В другой раз выступаем перед взводом, а там, глядишь, на звуки музыки собирается целый полк.

Вместе с нами на передовую часто выезжали писатели, поэты М. Бажан, В. Василевская, С. Головановский, А. Корнейчук, С. Крыжановский, А. Малышко,

Л. Первомайский, Б. Палийчук, А. Твардовский. Это были интересные творческие встречи, во время которых они беседовали с бойцами, отвечали на их вопросы, читали свои произведения.

Потом выступал ансамбль. В этих концертах мы читали стихи поэтов-гостей, исполняли песни, написанные на их слова. Такие литературно-музыкальные вечера нравились солдатам.

В одном из концертов по радио, помню, вместе с нами принимал участие Александр Довженко. Он обратился тогда к бойцам:

— Украинская песня! Кто не был зачарованный ею, кто не вспоминает ее, как свое чистое, светлое детство, свою гордую юность, свое желание быть красивым и нежным, сильным и храбрым?

Какой художник не был вдохновлен ее богатейшими мелодиями, безграничной широтой и красотой ее образов, ее чарующей силой, что вызывает в душе людской сложнейшие, тончайшие, глубочайшие ассоциации, чувства, мысли и стремления ко всему, что есть лучшего в человеке, что возвышает его к вершинам человеческого достоинства, к человечности, к творчеству...

Какая мать не пела этих легких, как сон, песен над колыбелью дорогих детей своих?

Какая девичья весна не приносила любви на ее крыльях?

Украинская песня — это гениальная поэтическая биография украинского народа. Это история украинского народа, народа-труженика, народа-воина.

Бесстрашная и всегда желанная, песня звучала на полигоне и в санбате, в окопе и блиндаже. А сколько концертов прозвучало на передовой, в солдатских землянках!

Надолго запомнились бойцам арии Евгения Онегина из одноименной оперы П. Чайковского, Остапа из оперы М. Лысенко «Тарас Бульба», Валентина из «Фауста» Ш. Гуно в исполнении Павла Кармалюка.

Интересна история создания ансамбля. В 1936 году после учений состоялся большой концерт армейской художественной самодеятельности, который вылился в яркую демонстрацию талантов. На концерте присутствовал маршал К. Е. Ворошилов. Он отметил

мастерство выступивших красноармейцев и указал на возможность создания на этой основе окружного ансамбля.

Первым в него был зачислен танцевальный коллектив. Затем в ансамбле появилась группа певцов и баянист А. Приходько. Художественным руководителем был приглашен заслуженный артист УССР В. М. Минько. Так в составе 18 человек и начал свои выступления молодой коллектив, созданный при Киевском Доме Красной Армии. Воины тепло встречали армейских артистов, исполнявших популярные тогда песни «Партизанскую», «Полюшко-поле», «Эшелон за эшелон», «Метелицу», «Калинку». Позже их репертуар расширился. Вошли в него и мои литературно-музыкальные композиции: «Бон у озера Хасан», «Халхин-Гол». От первой красноармейской песни «Красная Армия всех сильнее», созданной в годы гражданской войны поэтом П. Григорьевым и композитором С. Покрассом, до монументальной оратории Б. Александрова «Солдат Октября защищает мир» — вот путь боевого запевалы. В его репертуаре отразилась героическая история наших славных Вооруженных Сил.

Кроме песен советских композиторов в концертах ансамбля звучали и звучат произведения отечественной и зарубежной классики. Особый интерес — к боевым солдатским песням. И в этом строю, как правофланговый солдат на перекличке, — испытанная в огне гражданской войны легендарная «По долинам и по взгорьям» (обработка А. Александрова, слова П. Парфенова):

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот.

Трудно найти человека старшего поколения, который бы не знал этой песни. Поют ее и теперь.

«ГВАРДЕЙСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ СЮИТА»

Так назвал П. Вирский свою сюиту, в которой он показал яркие картины армейской жизни боевого воинского подразделения, удостоенного высокого гвардейского звания, фронтовые будни боевого эс-

кадрона, отличившегося в сражениях с врагом. Бесстрашные в боях, мужественные в походах, веселые на привалах, эти бойцы были ярким примером для всех.

Репетировать нужно было оперативно. А сколько возникало трудностей! Выяснилось, что танцоры не подготовлены к этой сложной постановке. Пришлось учиться и высокой строевой выучке, и умелому владению клинком. Ребята приобрели знание уставных положений ношения оружия. Подготовительные занятия, регулярные тренировки по строевой и боевой подготовке помогали проводить опытные командиры, не раз бывавшие в горячих схватках с врагом.

Тренировочные занятия не задерживали общей подготовки — постановка сюиты шла своим чередом: хор, оркестр и солисты разучивали партии.

К определенному сроку все было закончено. Вечером, в день празднования 24-й годовщины Советских Вооруженных Сил, в Воронежском Доме Красной Армии состоялась первая встреча со зрителями.

В ярком, стремительно развивающемся действии этого необычного по форме и режиссерскому решению произведения зрители узнавали самих себя, боевую жизнь, свои думы и стремления. Они увидели высокое военное мастерство, отличную выучку и отвагу защитников Родины, умеющих побеждать врага:

— Вперед, орлы! На бой святой и правый.
Пусть черной кровью захлебнется зверь.
За Харьков наш! За Киев! За Полтаву!
Фашистским оккупантам — смерти!

Зал ликовал, взрывался аплодисментами. Это воодушевляло всех, и выступление проходило с особым подъемом.

После концерта офицеры-фронтовики поднимались за кулисы и всех благодарили. Генерал Крюченкин разыскал тогда Вирского, подошел к нему, обнял по-отечески и сказал:

— Да вы просто молодцы! Спасибо вам. Отличная работа! Теперь вы владеете саблями не хуже моих кавалеристов. Настоящие виртуозы. Многим бойцам придется у вас поучиться...

Ваш труд, ваши талантливые песни и пляски не только призывают нас идти вперед и побеждать. Они учат, как это нужно делать. Такие примеры очень нужны и полезны особенно для молодых солдат, для на-

шего боевого пополнения. Да и нам приятно, глядя на вас, вспомнить былые походы.

И то, что боевые командиры признавали умение артистов и их готовность встать в строй, выйти на линию огня, было самой высокой оценкой проделанной нами работы.

Успех «Гвардейской кавалерийской сюиты» показал творческий рост коллектива, сумевшего в условиях фронта создать произведения, достойные высоких требований военного времени.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ — МОСКВА

В июне 1942 года в Москве проходили Дни Украины. Вместе с выдающимися мастерами украинского искусства, писателями и художниками, был приглашен в столицу и наш фронтовой ансамбль.

Битва под Москвой завершилась разгромом врага. Эта великая победа продемонстрировала несокрушимую мощь советского народа, его доблестных Вооруженных Сил.

И мы готовились к концертам в Москве. Прибыв в столицу, артисты посетили места боев под этим героическим городом, осмотрели выставку трофейного оружия. Выступали в воинских частях, принимавших участие в этом сражении, давали концерты на заводах.

В зале Центрального Дома Красной Армии имени М. В. Фрунзе состоялось наше очередное выступление. На концерт пришли композиторы А. Александров, М. Блантер, Д. Кабалевский, В. Мурадели, А. Новиков, Т. Хренников, А. Хачатурян, С. Чернецкий, представители Главного Политуправления Красной Армии, Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной Армии, артисты других коллективов.

Признаться, мы волновались. Музыканты, певцы — все были собранны, готовы рассказать огромной аудитории о ратных подвигах славных бойцов, о героической борьбе советского народа, вставшего на защиту родного Отечества.

Занавес медленно открылся, ослепительные лучи прожекторов ударили в глаза. И полетели в зал песни — одна, другая... С неудержимой энергией и задором исполнялись солдатские пляски. Выступали

чтецы, на смену им выходил хор. И снова — пляски. А в заключение — «Гвардейская кавалерийская сюита».

Центральная пресса, театральная общественность дали высокую оценку выступлениям фронтового ансамбля.

Время у нас в Москве было уплотнено до предела: днем — репетиции, вечером — концерты, а ночью в студии Всесоюзного радиокомитета — запись нашего репертуара.

В концертах принимали участие артисты украинских театров А. Ватуля, З. Гайдай, М. Гришко, М. Литвиненко-Вольгемут, И. Паторжинский, Г. Юра. Солисты балета А. Васильева и А. Соболев исполняли сюиту из балета «Лилея» К. Данькевича. Кроме своей программы фронтовой ансамбль выступал и с хором Всесоюзного радио: мы исполняли русские и украинские народные песни.

Художественный руководитель киевского драматического театра имени И. Франко Гнат Петрович Юра вдохновенно читал тогда стихи Максима Рыльского:

Благословен тот день и час,
Когда раскинулась коврами
Земля, которую Тарас
Босыми исходил ногами..

Закончив выступления в Зале имени П. И. Чайковского, Центральном Доме работников искусств, рабочих клубах, цехах заводов и частях гарнизона, ансамбль прощался с Москвой. Мы уезжали на фронт, в Сталинград.

СТАЛИНГРАДСКИЕ ПЕСНИ

Мы много читали о легендарном Сталинграде, прославившем себя в годы гражданской войны, первых пятилеток, восхищались им, но никогда там не бывали. И когда в июле 1942 года ансамбль выступал с концертами в Сталинграде, артисты восприняли это как награду.

На полях сражений гремели залпы орудий, рвались мины, а в цехах, куда мы приходили, стучали молотки, двигались краны — шел ремонт вышедших из

строю боевых машин. Рядом с рабочими трудились танкисты, ремонтировали боевую технику. Готовые машины направлялись прямо на огневые рубежи. Фронту нужны были танки, и сталинградцы работали не жалея сил.

В цехах звенела песня — и забывалась на время усталость.

Борьба за Сталинград стала делом всего народа. И мы старались внести свой вклад в победоносное завершение этого великого сражения.

Ансамбль фронта находился на левом берегу Волги в поселке Красная Слобода. Переправляясь на катерах для обслуживания наших войск, мы были свидетелями мужества и стойкости сталинградских водников, матросов прибывших туда флотилий, которые под вражеским огнем перевозили солдат, боеприпасы и вели противовоздушную оборону.

В городе шли уличные бои. С крыш и окон домов на вражеские танки сыпались гранаты и бутылки с горючей смесью, из подвалов и чердаков фашистов обстреливали наши автоматчики. Бойцы обороняли каждую улицу, каждый дом. Им помогали жители города. Линия фронта проходила тогда через этажи полуразрушенных зданий, подвалы, заводские цехи. И несмотря на трудности, звучали песни. Для нас, артистов, общение со своими слушателями, особенно в то время, было незабываемым. Наша песня звучала как боевой клич, как солдатская клятва разгромить врага! Ее подхватывали танкисты, летчики, пехотинцы — все бойцы.

Лица зрителей были сосредоточены и суровы. Каждый воин твердо знал свою задачу в предстоящем грозном поединке. Все верили в победу.

На земном шаре очень много гор и хребтов, больших и малых высот. Среди них Мамаев курган — почти незаметная точка, но в истории Великой Отечественной войны он сыграл огромную роль. После разгрома на Волге врагу не удалось удержать свои армии ни на Дону, ни на Днепре, ни на Висле и Одере.

Зачехлив стволы орудий, бережно укрыв брезентами боевую технику, защитники Сталинграда покидали свои траншеи и блиндажи. Мы продвигались на запад — на Центральный фронт. Звонкие солдатские

песни гревели в вагонах и разносили радостную весть о победе волжских богатырей. В этот период мы часто выступали с концертами, переезжая с одного места на другое. Помню, хор проводил репетицию неподалеку от Курска. И тут небо внезапно потемнело. Над нами летели вражеские самолеты, направляясь на Курск.

Откуда ни возьмись — наши истребители. Завязался воздушный бой. От рева самолетов содрогалась земля. Мы укрылись в щели. Боевой порядок бомбардировщиков скоро был нарушен. Не выдержав удара, фашисты разворачивались и уходили с большими потерями.

И тут же нам передали приказ начальника Политуправления фронта генерала С. Ф. Галаджева срочно выехать на аэродром, дать концерт героям воздушного боя.

Казалось, никогда не выступали артисты с таким воодушевлением, как тогда, перед отважными соколами.

Мы видели, какой напряженной была жизнь на фронте и в прифронтовой полосе. Воины готовились к наступлению, велось обучение войск, строились оборонительные сооружения. И, как всегда, песня, музыка, танец, веселое слово Василия Теркина были рядом с солдатами.

— Здравствуйте, курские соловьи! — радостно встречали бойцы наш фронтовой ансамбль.

Особенно это прозвище утвердилось за Николаем Фокиным. Пел он и классику, и неаполитанские песни, с успехом исполнял русские и украинские народные песни.

...Курск. Золотухино. Поныри. Прохоровка...

Войска готовились к решающим боям, и песня была в строю.

Победоносно завершив Курскую эпопею, Советская Армия развернула мощное наступление на фронте. Летом и осенью 1943 года наша армия освободила Брянск, Смоленск, Донбасс, Левобережную Украину, Кубань, Таманский полуостров. Советские войска вступили на территорию Белоруссии. И наши песни уже звучали на белорусской земле: украинские «А ще сонце не заходило», «У сусіда хата біла» чере-

довались с белорусскими — «Лявониха», «Янка». Е. Шейнин вместе с Б. Палийчуком написали для наших концертов «Боевой марш Белорусского фронта».

Стала популярной песня Н. Чайкина на стихи Е. Долматовского «Улицы-дороги». С ней бойцы шли на запад, до самого Берлина, изменяя лишь в тексте названия освобожденных городов.

Наш ансамбль продолжал выступать в непосредственной близости от передовой. В короткие минуты отдыха бойцы собирались послушать концерт, который всегда превращался для них в праздник. Это чувствовалось во всем: в том, как заботливо и тщательно готовили солдаты площадку для выступления ансамбля, с какой радостью встречали нас, как своих старых боевых друзей. С винтовками и автоматами, суровые воины слушали песни, любовались плясками, весело смеялись, аплодируя повару Галкину и банщику Мочалкину (в этих ролях выступали ныне известные Штепсель и Тарапунька).

Мы были очень требовательны к себе. И даже в походных условиях — в лесу или сельском клубе — не прекращали репетиции: вели подготовку нового репертуара, создавали на злободневную тематику песни. Часто присутствовавшие на концертах воины становились участниками воспеваемых событий.

За двадцать пять месяцев войны наш ансамбль дал более двух тысяч концертов.

«ТЫ УВИДЕЛ БОЙ, ДНЕПР, ОТЕЦ-РЕКА...»

Мы подходили к Днепру. К родным и близким днепровским кручам. Это была незабываемая встреча. О ней мечтал каждый боец все эти тяжелые годы войны. И вот, наконец, долгожданная, воспетая в песнях река — перед нами...

Разгромив врага под Москвой и Ленинградом, Севастополем и Сталинградом, советские воины приближались к Днепру. И дорожные указатели, словно живые регулировщики, звали их вперед:

— На Чернигов!

— На Харьков!

— На Полтаву!

Трудные солдатские дороги... Ненавистный враг оказывал упорное сопротивление, но ничто уже не могло остановить наступление Советской Армии.

Как могучее оружие, непоколебимая вера в победу, шла с бойцами и песня. Родным, негасимым огнем светила она, согревая сердца солдат:

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы, и росли
Ой Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над гобой летят журавли.

Как наказ Родины, звучали ее слова в солдатских окопах. Затаив дыхание, крепко сжав автоматы, слушали бойцы песню, которая звала их к победе.

«Песня о Днепре» родилась еще осенью 1941 года. Тогда, помнится, ансамбль из Ворошиловграда прибыл в Урюпинск. Там и подарил нам свои прекрасные стихи поэт Евгений Долматовский. Они взволновали нас, и дирижер ансамбля Марк Фрадкин написал музыку.

Прослушав мелодию, солист фронтового ансамбля Остап Дарчук сказал тогда: «Для баса слишком высоко». Но репетировать не переставал — очень уж взволновала его новая песня. Когда на репетицию собрался весь ансамбль, Марк Фрадкин и Остап Дарчук уже сидели в клубе и увлеченно пели. К ним потянулись хористы и начали подпевать:

Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он как герой.

Тут же подсели оркестранты — и грянула музыка. Из станицы Новоанненской, где впервые была исполнена эта песня, она разнеслась по всем фронтам.

Припоминаю, на одном из концертов в Воронеже, который состоялся в цирке, собралось много народа — офицеры и солдаты, одетые по-зимнему, и раненые — в халатах, пришедшие из соседних госпиталей. Волновались артисты: как встретят новую песню?.. Прозвучал последний куплет — на какое-то мгновение наступила тишина. А потом взорвались аплодисменты. С места поднялся высокий, широкоплечий военный и сказал: «От имени всех присутствующих просим исполнить песню еще раз». Просьба была удовлетворена. Зал поднялся и слушал стоя.

«Песня о Днепре» звучала как призыв идти вперед на битву за реку Славутич, за освобождение родного края:

Славный час настал — мы идем вперед..

Ее справедливо называют песней в солдатской шинели. Ведь она прошла с советскими воинами нелегкий путь от Сталинграда до Берлина.

ПЕСНИ В СОЛДАТСКИХ ШИНЕЛЯХ

В концертную программу нашего ансамбля часто включали стихи и песни, написанные воинами. Сержант А. Ткаченко, помню, сочинил балладу о комиссаре. Она так и называлась — «Боевой комиссар». Песня «Седьмая рота» прославляла подразделение, в котором сражался ее автор, политрук Н. Грачев. Комиссар Д. Добрушин написал свой текст на мелодию известной песни М. Глинки «Гуде вітер вельми в полі». Бойцы, сражавшиеся под командованием полковника П. Горюнова, оставили нам целый сборник стихов и песен — «Знамя полковое». Они подарили его нам вместе с трофейным аккордеоном.

Так оказалась в ансамбле и «Песня о разведчиках», написанная рядовым К. Мясковым. И много лет спустя вспоминают эти песни.

Дорогой друг! — написал К. Мяскову уже после войны его фронтовой товарищ Н. Цымбал, — мы часто слушаем твои песни и радуемся, что они, как и прежде, в боевом строю. Но сегодня прозвучала мелодия, которая особенно взволновала нас и напомнила горячие дни на Волге. Помнишь, Костя, как наши разведчики, отправляясь в ночной поиск, попросили тебя сыграть «на дорожку». Ты взял тогда свой неразлучный баян, и полились песни. Это были еще не написанные песни, но уже рожденные в сердце композитора, и мы вместе с тобой напевали их. А когда прозвучала последняя фраза созданной в землянке песни, ставшей известной на фронте как «Песня о разведчиках», к тебе подошел наш сержант В. Козаченко и сказал:

— Спасибо, друг, за песню. Она пойдет с нами в разведку.

Задание было выполнено, но сержант не вернулся. Ты написал тогда новую песню о храбром разведчике

В. Козаченко... Славный воин всегда с нами, он живет в песне, которую поют молодые солдаты...

Были среди воинов и поэты, и композиторы, и неплохие исполнители — музыканты, чтецы, певцы. В строю, на привале, в землянке звучали голоса неутомимых армейских запевал.

Таковыми были Николай Ворвулев, Сергей Козак, Андрей Бобырь, Иван Ковтун, Александр Таранец и Петр Ретвицкий, Борис Пузин, Александр Героев, с которыми мы встречались на разных фронтах.

Выступали мы как-то в госпитале, в палатах. Когда утихли последние аккорды, раненые, выражая свою благодарность, аплодировали: кто стучал по тумбочке, кто чайной ложечкой по стакану, а кто с сияющими глазами тихо говорил, прощаясь с артистами: «Спасибо, друзья...». Медсестра подошла к одному из участников концерта, Павлу Шмигельскому, и попросила его зайти в палату. «Там лежит тяжелораненный летчик,— сказала она,— он так мужественно борется с болью. Очень просил вас зайти к нему».

Павел охотно согласился. Войдя в палату, он увидел неподвижно лежащего забинтованного человека.

— Достаньте... вот тут,— тихо молвил раненый,— у меня под подушкой планшетку и выньте оттуда листок...

Павел выполнил его просьбу. Взглянул на тот пожелтевший лист бумаги, и сердце его дрогнуло. Там была песня Д. Покрасса на слова В. Лебедева-Кумача «Украина моя, Украина». «Вот где пришлось нам встретиться, песня, друг ты мой,— подумал он,— и ты прилетела сюда, крылатая. Приютилась в этой палате, чтобы облегчить страдания раненого героя». Павел присел на краешек кровати и тихо запел:

Украина моя, Украина,
Дорогая моя сторона ..

Вот так бывает — встретишься с песней случайно, и станет она тебе дорогим другом на долгие годы, а то и на всю жизнь. Была эта песня об Украине с Павлом Шмигельским и в Москве, и под Сталинградом, и на Дону, и в Белоруссии, и при форсировании Днепра, и при освобождении Львова. А потом пришла вместе с ним к пылавшему рейхстагу.

Фронтовые встречи...

С кем только ни приходилось повидаться на перепутье солдатских дорог! Наши блокноты переполнились записями о памятных встречах с солдатами, партизанами, рабочими, колхозниками. И песни становились настоящими боевыми друзьями. Они всегда были с нами. Как, скажем, «Клятва» Г. Веревки на слова М. Бажана:

Мы клятвой едины и волей едины,
И гнев, и порыв наш растет.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою фашистских господ!

Ее пели на фронте, в тылу и в партизанских отрядах. Эта песня помогала воинам побеждать врага. Эта песня и сейчас с нами, рядом с другими песнями, опаленными порохом Великой Отечественной войны, закаленными в огне победных боев. Песни-воины, песни-труженики! Как драгоценное сокровище возьмут их с собой и потомки наши. Отцы завещают детям то, что стало частицей их духовной жизни, что пронесли они через героические сражения за родную землю, за нашу Страну Советов.

ИГРАЙ, МОЙ БАЯН!

Это было под Ковелем в июле сорок четвертого. В ансамбль прибыл адъютант командующего. Начальник ансамбля К. П. Корнеев вызвал баяниста Н. Ризоля и приказал ему быть готовым к выполнению особого задания. Сборы были недолги: баян за плечи — и в машину.

Проехав около ста километров, Николай увидел несколько вагонов, где располагался штаб маршала Г. К. Жукова. «Выступить будем у командующего», — подумал баянист, волнуясь.

Наверное, это волнение заметил и Георгий Константинович. Когда Николай доложил: «Старший сержант ансамбля фронта баянист Ризоль прибыл по вашему приказанию!», маршал предложил ему сесть. И как-то просто, по-дружески начал спрашивать:

— Откуда вы родом? Кто ваши родители? Давно ли играете на баяне?

Затем Георгий Константинович попросил что-нибудь сыграть.

Ризоль вспомнил: кто-то ему говорил, что маршал очень любит русские народные песни. С них баянист и начал. Потом играл фронтовые мелодии, перешел на классику и закончил Сонатой *си* минор для баяна Н. Чайкина.

— Молодцы! Ох и молодцы же! — то и дело повторял Г. К. Жуков. — Сочиняют в условиях походной жизни, да еще не что-нибудь, а сонаты.

Разговор зашел об авторе. Н. Ризоль с удовольствием рассказывал о нашем дирижере Николае Чайкине.

— Вы играете всеми пальцами, — сказал Г. К. Жуков, — а я тоже играю, но только четырьмя. Меня так учили, — и, улыбнувшись, добавил: — Было время, я играл в дуэте, вместе с дочерью: она — на аккордеоне, а я — на баяне...

Разговор этот и музыка то и дело прерывались телефонными звонками. Г. К. Жуков что-то быстро и четко отвечал и опять подходил к своему гостю:

— Продолжайте, пожалуйста!

Любил баян наш командующий. Он не раз присутствовал на концертах ансамбля, а в свободные минуты, бывало, приглашал баяниста к себе в штаб. Иногда Георгий Константинович и сам брал в руки баян, умело растягивая меха, играл народные песни, фронтовые мелодии.

И уже после войны в знак памяти о музыкальных встречах на фронте маршал Г. К. Жуков подарил Николаю Ризолью свою книгу «Воспоминания и размышления» с автографом. А старший сержант Ризоль преподнес маршалу сборник своих произведений «Играй, мой баян!».

Трудности фронтовой жизни не снижали творческой активности коллектива и каждого его участника. Скорее наоборот. Н. Ризоль, например, стал пробовать свои силы в композиции — сочинял пьесы, делал переложения для баяна. По его инициативе в ансамбле был создан квартет баянистов, в котором вместе с его создателем играли А. Приходько, В. Митькин и А. Хабаров. А позже у нас появился еще и дуэт баянистов, где партнером у Н. Ризоля был А. Приходько. В их исполнении звучали произведения П. Чайковского, Ф. Шопена и других композиторов.

Более полувека не расстаётся с баяном Николай Ризоль — исполнитель, педагог. Его разработка пя-

типальцевой аппликатурной системы сыграла значительную роль в развитии техники игры на баяне, вошла в педагогическую и исполнительскую практику. И сейчас он выступает в квартете баянистов Киевской государственной филармонии. Квартет — лауреат Всесоюзного и Республиканского конкурсов.

ОТ ВОЛГИ ДО ШПРЕЕ

Шла победная весна долгожданного 1945 года. Красная Армия наступала на всех фронтах. И с ней — боевая солдатская песня. Более трех с половиной тысяч концертов было дано нашим ансамблем для бойцов Юго-Западного, Сталинградского, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов.

В один из апрельских вечеров ансамбль готовился к концерту, который должен был состояться в небольшом городке Мендзехуде, расположенном недалеко от Берлина. Это было ответственное выступление. В старинном особняке собрались командармы и командиры соединений во главе с командующим 1-м Белорусским фронтом маршалом Г. К. Жуковым. Здесь проходило совещание, предшествовавшее историческому сражению, которому было суждено завершить Великую Отечественную войну.

Открывая совещание, маршал Г. К. Жуков сказал:

— Товарищи, я вас пригласил сюда для того, чтобы сообщить о приказе товарища Сталина. Верховный Главнокомандующий приказал войскам нашего фронта перейти в наступление на берлинском направлении, окружить столицу фашистской Германии Берлин, разгромить и уничтожить силы врага и водрузить над Берлином Знамя Победы!

В перерыве мы начали готовиться к выступлению. Зал был ярко освещен. Там, в Берлине, откуда поступал электрический свет, фашисты настолько растерялись, что забыли отключить его от района, в котором уже находились советские войска.

Концерт прошел успешно, но чувствовалась какая-то напряженная атмосфера. Мы понимали: наши слушатели готовились к большому и ответственному сражению.

И новые куплеты Ю. Тимошенко и Е. Березина звучали с особым вдохновением:

Одна дорога, путь один —
Идти домой через Берлин.
Сквозь бури грозные —
Бои серьезные,
Зато последние бои...

— До встречи в Берлине! — говорили мы зрителям.

Много было у нас дружеских встреч этой незабываемой весной. Мы выступали перед победителями. В наших концертах иногда принимали участие писатели, поэты — А. Безыменский, В. Вишневский, Б. Горбатов, П. Усенко.

Приехали, помню, тогда к нам композиторы Тихон Хренников и Матвей Блантер. Батарейцы обступили их:

— «Катюшу»! Спойте «Катюшу»!

Среди развалин неподалеку нашелся и рояль. Блантер тут же сел за инструмент. И не успел он взять первые аккорды, как бойцы подхватили песню. Хренников пел вместе со всеми и дирижировал этим могучим солдатским хором...

Третьего мая ансамбль выступал на площади у Бранденбургских ворот. Программа концерта была всем знакома. Но артистам казалось, что такого концерта они никогда еще не давали. Ведь это было долгожданное выступление в поверженном Берлине. По просьбе наших славных героев М. Егорова и М. Кантария, водрузивших Знамя Победы над рейхстагом, фронтовой ансамбль исполнял песню, которая вместе с воинами прошла славный боевой путь:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Теперь эта песня А. Александрова на слова В. Лебедева-Кумача звучала победным апофеозом.

Пришла долгожданная Победа! И пели, плясали не только артисты. Мне особенно запомнился веселый запевала, храбрый разведчик, младший сержант Павел Волик. Тот самый Волик, который вместе с солдатом Лебеденко под огнем противника водрузил Красное знамя на Бранденбургских воротах. Борис Палийчук написал об этом подвиге поэму «Бранден-

бургские ворота». Ее сразу же включили в репертуар нашего ансамбля.

После концерта мы не пошли — побежали к дымящемуся рейхстагу, спешили поставить там свои подписи. Многие солдаты и офицеры устремились тогда к центру Берлина. А здесь на кумачовых полотнищах уже красовались слова: «*Да здравствует наша Советская Родина!*». Став в круг, пели и плясали солдаты.

— Шире круг! — раздавались голоса. Разгоряченные бойцы лихо отплясывали под баян «Русскую», «Лезгинку», белорусский «Крыжачок»...

— С Победой, товарищи! — говорили друг другу солдаты и крепко, по-братски обнимались.

Подписей на колоннах и стенах рейхстага становилось все больше и больше. Чтобы дотянуться до свободного места, ставили подставки, лестницы. Можно было видеть, как какой-нибудь рослый парень держит на своих плечах одного, а то и двух желающих оставить здесь свои подписи.

То же самое случилось и со мной. Не успел я оглянуться, как один лихой вояка, увешанный медалями, крикнул: «Держись!» — вскарабкался мне на плечи и начал расписываться солдатским штыком. А потом спрашивает: «Как фамилия?» — Я ответил. «Звание?» — Кричу ему: «Старшина!».

— В честь Победы — повысим в звании, — ответил остряк и тут же, «присвоив» мне офицерское звание, написал его на стене.

Среди дымящихся развалин увидели мы и нашего боевого друга поэта Евгения Долматовского. Взобравшись на лафет пушки, он читал бойцам свои стихи, посвященные взятию Берлина.

А над рейхстагом развевалось победное Красное знамя. Не каждому, кто с боями шел сюда, суждено было его увидеть. Боевые друзья похоронили павших героев неподалеку от того места, где развевалось знамя. Здесь был позднее воздвигнут монумент. В центре строгого полукруга из гранита возвышается памятник советскому солдату. Ветер отогнул полу его шинели, закинул за плечи плащ-накидку. Какой-то необыкновенной силой веет от его богатырской фигуры. У него решительный, твердый и уверенный взгляд. И тут, в Берлине, в конце своих тяжелых фронтовых дорог он встал как олицетворение нашей доблести и славы.

МОИ ПОЮЩИЕ БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

Впервые я встретился с ансамблем в 1941 году в городе Воронеже, узнал, что прибывающие из тыла после переформирования воинские части слушают ансамбль перед тем, как их направляют на передовую.

Слушают? Это слово не дает полного представления о влиянии концерта на тех, кому завтра предстоит испытание огнем — кому впервые, а кому по второму разу после госпиталя или выхода из окружения.

Начальник Политуправления фронта предложил мне тогда написать песню.

Я, откровенно говоря, не представлял себе в первые дни, как именно такая песня может прозвучать, придти к массам людей, то есть получить жизнь.

В это время я как раз и встретился с фронтовым ансамблем. Воинская часть была на колесах: на автобусах, грузовиках, затянутых брезентом. Но более всего поразил меня грузовик, в кузове которого лежали музыкальные инструменты.

В такое время... На такой войне...

Я познакомился с руководителями ансамбля — Е. П. Шейниным и П. П. Вирским. В их облике, манере говорить, повадках можно было уловить артистичность, уверенность мастеров и фанатическую преданность своему делу. Они выполняли воинский долг артистов без суеты, решительно не подпуская лишнее.

Здесь же я и познакомился с молодым музыкантом Марком Фрадкиным, сочинявшим тогда свои пока что первые песни. Шейнин сказал мне уверенно: «Фрадкин напишет песню, дайте только слова».

Мне, как автору, не очень удобно говорить о своей «Песне о Днепре», о ней, наверное, расскажут ветераны ансамбля. Могу только сказать, что и музыка, и исполнение были именно такими, о каких я мечтал. Скажу откровенно, не представлял я тогда себе, что песня прозвучит так сильно, что предстоит ей долгий путь — до Волги и от Волги к Днепру, что и после войны она будет звучать над Славутичем, станет сопровождением вечного огня...

Чрезвычайно важно для песни, как исполняют ее впервые. И в том, что жива поныне «Песня о Днепре» — заслуга ансамбля, его руководителя Е. П. Шейнина, первого исполнителя песни солиста Остапа Дарчука и всего коллектива, который пронес ее сквозь фронтовой огонь.

С конца сорок первого года я служил в редакции фронтовой газеты «Красная Армия» и по долгу своему находился чаще всего в частях переднего края, где далеко не всегда можно и нужно было присутствовать ансамблю. Его передний край проходил там, где он мог действовать. Но бойцам-артистам порою казалось, что они выступают недостаточно близко от передовой.

На особо опасные участки, куда многолюдный ансамбль не мог пробраться, выезжали солисты и небольшие бригады, не только подвижные высоким прыжком, а и в интересах целесообразности. Особенно оперативно выполняли свой боевой долг Ю. Тимошенко и Е. Березин, ныне известные артисты популярного у нас разговорного жанра.

Надо ли говорить, какие это талантливые артисты? Их знают и любят зрители не меньше меня. Но, как фронтовой товарищ Ю. Тимошенко и Е. Березина, хочу подчеркнуть постоянство созданных ими образов: в мирные десятилетия со словом то ласковым, то острым, всегда обаятельные «большой и маленький» говорят со сцены как два оптимиста, два товарища.

Мне говорили многие почитатели таланта Штепеля и Тарапуньки, что после их концерта делается легко на душе, светло как-то. Их юмор, к тому же, не развлечение, не пустая забава. Это люди творящие и думающие, острые сатирики и нежные лирики.

Каждая новая встреча с ансамблем на дорогах войны была для меня событием. Моими соавторами были и композитор Марк Фрадкин, и тонкий музыкант Николай Чайкин, с которым мы написали песни, нужные тогда, выполнявшие «оперативное задание». Скажем, командование фронтом ставило перед войнами задачу — окапываться, и мы с Чайкиным немедленно садились за работу над «Песней о лопате». Это к примеру. Пусть такие песни не вошли в золотой фонд, но в боевом расчете они состояли. Ансамбль

оперативно готовил их, и песня вела свою политработу.

На последнем этапе войны я находился на фронте вместе с кинооператором Романом Карменом, у нас был один на двоих «виллис», и мы оказались связаны не только старой (еще довоенной) дружбой, но и, выражаясь прозаически, транспортными средствами. И вот однажды, помню, мы прослышали, что в одной из армий находится ансамбль, и отправились его разыскивать. Не скажу сейчас, в каком населенном пункте это было, но хорошо помню неглубокий блиндаж с печкой «буржуйкой» — штаб ансамбля. Всю ночь беседовали мы тогда, сидя у огня: Павел Вирский, Ефим Березин, Юрий Тимошенко, кто-то из солдатов...

О чем мы говорили тогда? О том, что война кончается, и то, что мы видели и пережили, должно быть запечатлено для потомков. Юрий Тимошенко сказал, что интересный мог бы получиться фильм — об ансамбле, который прошел от Киева до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина. И Кармен завелся с пол оборота:

— После войны переквалифицируюсь из операторов в режиссеры. Не знаю, каким буду режиссером, но останусь документалистом, а фильмы буду ставить художественные. И первый фильм поставлю об ансамбле.

Березин, Тимошенко и я начали придумывать эпизоды. Очень нам они нравились, честное слово... И мы обещали друг другу, что будем делать картину, Тимошенко и Березин — сценаристы, песни мои, музыка Фрадкина, а режиссер — Роман Кармен.

Постоянно помню, что есть у меня неосуществленный замысел — этот фильм...

БОРИС ПАЛИЙЧУК

И НАША ПЕСНЯ ШИРИЛАСЬ КРЫЛАТО

(Воспоминания поэта-фронтовика)

Зима.
Воронеж.
Сорок первый год...
И снегопады, и метели часты.
В глубокий снег тогда зарылся фронт
На нашем юго-западном участке.
Одна отрада согревала нас
И радовала сердце боевое:
Известие о том, что в этот час
Разгромлен враг,
Разгромлен под Москвою.
На наших лицах исчезала грусть;
Но в ту крутую тяжкую годину
Еще тиранил враг Беларусь.
Еще топтал он землю Украины.
Не примириться с этим никогда,
Покуда кровь стучит в солдатских жилах.
Не позабыть нам села, города
И реки, где мы выросли и жили.
Тоска по далям той родной земли
Была сильнее раны для солдата.
Мы эту боль святую берегли,
Как берегут последнюю гранату.
А снег дома бинтами обвязал.
Чадила в тучах месяца коптилка.
Я помню тускло освещенный зал,
Холодный зал воронежского цирка.
А в зал навалом публика идет.
Солдаты с воспаленными глазами.
Все госпитальный, раненый народ
Стучит о верхний ярус костылями.
И вот аудитория полна,
И цирк одним прожектором украшен.
И, может быть, настала б тишина,
Когда б не общий наш простудный кашель.
Он только вскоре чуточку ослаб,
Стал не таким отрывистым и резким,

Когда на сцене выступил ансамбль,
Наш, довоенный, киевский, армейский.
В холодном цирке, словно на дворе,
Так далеко от переправ днепровских,
Раздался голос:

— «Песня о Днестре» ..

Ее создали Фрадкин с Долматовским.

И замер зал, как бы на смотре полк.

И тишина вошла в огромность зала.

И кашля нет.

Конечно, он не смолк,

А просто нам его не слышно стало.

Такая сила охватила нас,

Что между ребер сердцу стало тесно.

Остап Дарчук — наш украинский бас —

Запел на фронте созданную песню.

И как запел!

А нас и в жар, и в дрожь

Бросала песня силой небывалой.

Ох, как ты, парень, хорошо поешь,

Ох, как ты песней за сердце берешь! —

И мы сильны, и ран как не бывало.

«...Ой Днестро, Днестро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли...»

Мы услышали шепот влажных лоз,

Увиделись нам киевские горы.

И не стыдились мы солдатских слез

И горла, онемевшего от горя.

Мы вспоминали тех, кто шел с тобой,

И не дошел, и вычеркнут из списка,

Те столбики с фанерною звездой,

Что заменяли раньше обелиски.

А хор гремел то мощно, как салют,

То нежно, как весна над милым краем.

Нет, так теперь, наверно, не поют...

А может, и поют, да мы не знаем...

Стал подпевать той песне хмурый зал,

А песня так напористо звучала,

Что, кто и слов пока еще не знал,

А песню эту выносил из зала.

«...Кто погиб за Днестр — будет жить века,
Коль сражался он как герой...»

И те слова — как бомбовый удар.
И в смертной муке и в бессмертной славе
Вдруг встал Десняк, и Крымов, и Гайдар
На мостовой днепровской переправе.
И встали все утраты той поры,
Грядя потерь, невиданных на свете,
Все переправы, блиндажи, яры,
Где умирали и отцы, и дети,
А дальше — словно боевой приказ
И словно клятва у знамен гвардейских,
Дошел тогда десяток слов до нас,
Как жизнь и смерть, решительных и веских.

«. Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ».

Не передать, что было в этом зале,
Какая буря подняла людей!
Все как один на всех балконах встали,
Кто с костылями, кто без костылей.
И наша песня ширилась крилато,
В простор полей заснеженных плыла.
Она была, как боевая клятва,
Она присягой воинской была.
Мы пели в том холодном полусвете,
И песня мчалась в снежном серебре.
И наконец домчалась в сорок третьем
К днепровским кручам
«Песня о Днепре».

МАРК ФРАДКИН,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР

АНСАМБЛЬ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА СО МНОЙ

Память! Какой это удивительный дар человека. Мы помним многое, но память выхватывает из нашей жизни самое светлое, самое высокое. Все это было за время моей службы в Ансамбле песни и пляски Киевского Особого военного округа. Я проходил тогда в Виннице действительную военную службу, откуда меня и перевели в киевский военный ансамбль.

С первых дней я включился в творческую работу этого коллектива, был его дирижером и писал свои первые песни. Работа меня увлекла, я полюбил ее. Некоторые из моих песен тех времен звучали в концертах нашего ансамбля. Я видел, с каким интересом воспринимала военная аудитория каждую нашу новую песню. А песня, нашедшая путь к сердцу солдата, становилась рядом с ним в строй и, как боевой запева, призывала к мужеству и стойкости — готовности защищать любимую Родину.

В этом ансамбле я встретил настоящих боевых друзей, с которыми прошел трудные солдатские дороги. Талантливые артисты, мужественные бойцы, они были вместе с войсками на протяжении всего боевого пути от Волги до Шпрее.

С особой теплотой я всегда вспоминаю своих фронтовых побратимов Александра Сегалю, Юрия Тимошенко, Ефима Березина, Анатолия Сыроватского, с которыми вместе мы делили и творческую радость, и трудности походной солдатской жизни.

В этом ансамбле я родился как композитор, мои первые песни звучали на его концертах. Встречи со зрителями на фронте, в боевой обстановке, придавали мне силу и уверенность в избранном пути, это определило всю мою дальнейшую жизнь и творческую деятельность.

В первые месяцы войны мы с Евгением Долматовским решили написать песню, которая бы воспевала веру в победу. Это было тяжелое время. Мы тогда оставили Днепр. Но, несмотря на это, все были убеждены, что вернемся в родные места, обязательно вер-

немся с победой на украинскую землю и освободим Славутич. Так создавалась «Песня о Днепре».

В нашем ансамбле были отличные солисты — певцы, музыканты, танцоры, чтецы. Для артистов-воинов оружием в годы войны стало искусство.

Наша работа по созданию «Песни о Днепре» была отмечена командованием. А через сорок лет, 9 мая 1982 года, в зале Киевской филармонии, на концерте ветеранов ансамбля Краснознаменного Киевского военного округа, мне вручили медаль «В память 1500-летия Киева».

Годы боевой армейской жизни оставили неизгладимый след в моей памяти. Я часто обращаюсь к военно-патриотической теме, созданию песен о Великой Отечественной войне («За того парня», «У деревни Крюково», «Сыновья» и другие).

Работа в коллективе ансамбля фронта, постоянное общение с нашими славными воинами — освободителями родной земли, совместное творчество с П. Вирским, Н. Ризодем, Ф. Старицким, Н. Чайкиным, Е. Шейниным благотворно повлияло на мое становление как композитора, а приезд на фронт Д. Кабалевского и В. Белого решил мою судьбу. Еще в годы войны меня приняли в Союз композиторов СССР.

Наш репертуар, да и вся концертная программа, отличались от выступлений других армейских коллективов: ведущая пара веселых конферансье, вокальные дуэты, трио, квартет баянистов, художественное слово, не говоря уже о хоровой программе и блестящих танцах в постановке П. Вирского — это творческое разнообразие жанров позволяло создавать концертные программы на высоком идейно-художественном уровне.

На всех моих авторских концертах, творческих вечерах и встречах я вспоминаю незабываемый период моей фронтовой жизни.

Проходят годы. Но вклад нашего ансамбля, как и всех работников культуры, в дело Победы — незабываем. Их эстафету подхватили новые поколения артистов, новые ансамбли, ищущие свои художественные направления, свои пути выразительности. Но лучшие черты фронтовых коллективов бережно хранятся как боевые традиции советского искусства. Их приумножают новые творческие достижения нашей талантливой молодежи.

НИКОЛАЙ ЧАЙКИН,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
профессор Горьковской государственной
консерватории имени М. И. Глинки

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ...

В 1940 году, по окончании Киевской орден Ленина государственной консерватории имени П. И. Чайковского, я был призван на действительную военную службу. Направили меня вначале в одну из горнострелковых дивизий, а осенью того же года по приказу штаба округа перевели в Ансамбль красноармейской песни и пляски Киевского Особого военного округа.

Прибыв к месту назначения, я попал на репетицию танцевальной группы. Проводил ее один из художественных руководителей — балетмейстер Павел Павлович Вирский. Затем меня представили второму художественному руководителю — заслуженному артисту УССР Василию Михайловичу Минько, который занимался с хором.

Ансамбль готовил новую программу, и я сразу же включился в работу. Однако с В. М. Минько мне пришлось проработать совсем немного. Вскоре художественным руководителем был назначен заслуженный артист УССР, хормейстер Егоруша Павлович Шейнин.

Он энергично взялся за работу над дальнейшим повышением мастерства хора, за расширение его выразительных возможностей. Сказывался большой опыт Е. П. Шейнина в работе с хором а cappella. Егоруша Павлович, не привыкший к работе с оркестром, поначалу вообще хотел избавиться от оркестрового сопровождения и привлечь для аккомпанемента лишь несколько бандур. Он считал, что именно такое сопровождение не будет мешать выявлению тонкостей хорового исполнения. Однако после удачно прозвучавших оркестровых партитур, выполненных мною, он изменил свое мнение.

С началом Великой Отечественной войны руководство ансамбля получило возможность пополнить коллектив, отбирая наиболее талантливых артистов из числа подлежащих мобилизации певцов, музыкантов, танцовщиков. В ансамбль пришли вокалисты с оперными голосами, хоровики и танцовщики высокой квалификации. Кроме того, в помощь конферансье Ана-

толию Сыроватскому, обладавшему отличной дикцией, легко владевшему сценическим словом, пришел слаженный дуэт — Юрий Тимошенко и Ефим Березин.

Сформировался сильный творческий коллектив.

Репертуар хора постоянно пополнялся классическими произведениями, обработками народных песен, оригинальными сочинениями советских композиторов, а репертуар балета — новыми танцами.

Творческий вклад в программы ансамбля внесли композиторы Виктор Белый, Матвей Блантер, Дмитрий Кабалевский, Анатолий Новиков, Василий Соловьев-Седой, Марк Фрадкин, Тихон Хренников, поэт Николай Ваганов. Ряд песенных текстов написал на фронте Евгений Долматовский.

Часто музыку на актуальные стихи советских поэтов сочинял Е. П. Шейнин. Его перу принадлежали также хоровые аранжировки всех исполняемых ансамблем песен. Каждый куплет он излагал по-разному, придерживаясь сюжетной линии и общей драматургии песни. Он учитывал при этом вокальные особенности и творческие возможности конкретных исполнителей.

Аргисты хора иногда «ворчали», осваивая эти партитуры, ведь каждое новое изложение куплета нужно было запоминать заново. Но когда работа над песней завершалась, все оставались довольны, убеждаясь, что затраченный труд не пропал даром.

Инструментовку сопровождения поручали делать мне. Е. П. Шейнин, как правило, намечал лишь канву произведения. Создавая «оркестровый наряд», я, в свою очередь, старался как можно рельефнее раскрыть развитие заложенной в хоровой партитуре художественной идеи. Таким образом, инструментовка аккомпанеента песни, написанной композитором в механически повторяющейся куплетной форме, всякий раз перерастала в развернутую оркестровую обработку. Каждый куплет, в зависимости от словесного текста, отличался особым характером и колоритом.

Приятно вспоминать, как авторы, услышав свои произведения в исполнении фронтового ансамбля, восторгались нашей творческой инициативой и высоким художественным уровнем исполнения.

Е. П. Шейнин требовал от каждого певца исполнять нотный текст предельно точно, следил за чистотой интонации, характером подачи и окраски звука,

точностью ритма и метра, неукоснительным выполнением всех обозначенных музыкальных нюансов, штрихов и т. д. Он обладал отличным слухом, и ни одна «мелочь» не ускользала от его внимания.

В результате такой скрупулезной работы хор звучал мощно, слаженно, гибко, выразительно и, несмотря на однородный мужской состав, очень колоритно. Секрет этого заключался не только в тщательной исполнительской отработке музыки, но и в том, что, располагая однородным четырехголосным хором, руководитель воспользовался приемом П. Г. Чеснокова: исполнители каждой хоровой партии делились по характеру своих голосов на микрогруппы; каждая из них при необходимости могла быть использована самостоятельно.

Так, например, партия теноров I включала трех-четырёх певцов с легкими лирическими голосами, двух-трех человек с характерными и шесть — восемь исполнителей с более мощными, яркими по тембру голосами. В партии басов II особую группу представляли октависты.

Каждый из вокалистов мог исполнить ту или иную сольную партию. И художественному руководителю представлялась широкая возможность свободно комбинировать вокальные тембры, использовать всевозможные их сочетания для достижения желаемой окраски звучания.

Концерт начинался с выступления хора. Соло в произведениях большого эмоционального накала блестяще исполнял обладатель сильного, красивого драматического тенора Яков Мучник. Прочно отложились в памяти прекрасные голоса лирических теноров Александра Корниевского, Петра Мурашко, Бориса Рыбцова, Николая Фокина; характерных теноров Федора Борисенко, Павла Соколова, Павла Шмигельского; драматического тенора Семена Когана; барионов Василия Добринского, Павла Кармалюка, Юрия Тоцкого, Ивана Филичева; басов Остапа Дарчука, Ивана Дедова, Сергея Иващенко, Константина Монакова и многих других. «В свободное от соло время» они исполняли соответствующие хоровые партии.

Великолепным партнером «вокального цеха» был танцевальный коллектив, которым руководил Павел Павлович Вирский. В своей работе он, как и Шейнин,

был бескомпромиссным и требовательным. Павел Павлович ставил значительные хореографические полотна, в которых чаще всего занимал весь коллектив: кроме танцовщиков и оркестра — хор, вокалистов-солистов, а иногда привлекал к участию и чтеца. Вирский был отличным драматургом. В своих высокоталантливых постановках он тонко чувствовал форму, проявлял большую изобретательность, а музыку часто использовал в качестве ведущего начала в процессе постановки. Нередко он подходил к концертмейстеру (баянисту) и напевал условную мелодическую интонацию, которая в то же время обладала ясным характером и четкой ритмической организацией. Впоследствии это служило основой для написания музыки к данному танцу.

В творческой работе Вирскому очень много помогал одаренный танцовщик Александр Сегаль. Он осуществил в ансамбле ряд самостоятельных постановок. Его все в коллективе очень уважали. И после того, как Павла Павловича отозвали в Москву, в Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии, А. Сегаль возглавил танцевальную группу.

Все артисты балета отличались яркими индивидуальными чертами, владели отличной техникой. Они создавали запоминающиеся сценические образы.

Наш оркестр представлял собой отлично сыгранный коллектив. В его состав входили: народные инструменты — группа четырехструнных домр, бала-лайка-контрабас и четыре баяна; духовые — флейта, кларнет, три трубы, два тромбона и туба; ударные инструменты. В особо торжественных случаях добавлялся аккордеон, на котором играл автор этих строк.

Концертмейстером был Николай Доброскок (домра-прима I), руководителем-дирижером — Федор Старицкий (он же играл на домре-альте). Функции инспектора выполнял Петр Шинкаренко.

Музыканты должны были уметь играть и так, чтобы не заглушать лирическое пение солиста, и так, чтобы на кульминациях или при сопровождении танцев звучание было насыщенным и стройным.

Особые требования предъявлялись к «духовикам» — исполнителям на духовых инструментах. Каждый из них должен был владеть широкой динамической шкалой — от еле слышного, но не теряющего

тембра, пианиссимо до громогласного, но благородно звучащего фортиссимо.

Естественно, что после войны наши музыканты стали заметными фигурами на ниве искусства. Так, например, баянист Николай Ризоль — ныне народный артист СССР, профессор Киевской консерватории; дирижер Федор Старицкий был директором Украинского музыкально-драматического театра им. Н. Островского в городе Ворошиловграде; флейтист Сергей Соколов стал артистом Государственного академического русского народного оркестра имени Н. П. Осипова, трубач Николай Рудой — Государственного симфонического оркестра СССР, Александр Бетин работал в оркестре Одесского театра оперы и балета. Многие успешно стали трудиться на педагогическом поприще, а некоторые — в системе художественной самодетельности.

В заключение — несколько слов о мастерах разговорного жанра. Появляясь на сцене, наш неизменный ведущий Анатолий Яковлевич Сыроватский сразу же овладевал вниманием и расположением аудитории. В тех случаях, когда ансамбль выступал не в полном составе (разбиваясь на концертные бригады), он вдохновенно читал стихи советских поэтов. Во время обслуживания населения освобожденной Польши он выступал с декламацией на польском языке, за что благодарные слушатели награждали его бурными аплодисментами.

А как полюбились воинам артисты Юрий Тимошенко и Ефим Березин, создавшие образы острословов повара Галкина и банщика Мочалкина!

Сейчас народные артисты СССР Ю. Т. Тимошенко и Е. И. Березин создали широко известные образы Тарапуньки и Штепселя.

НИКОЛАЙ РИЗОЛЬ,
народный артист СССР, профессор
Киевской ордена Ленина государственной
консерватории имени П. И. Чайковского

МУЗЫКА В СОЛДАТСКИХ ОКОПАХ

Николай Чайкин сочинял свою музыку военной поры не в тиши рабочего кабинета, а непосредственно на фронте, в землянке или прифронтовом лесу.

Все, что написал автор в те годы, он пережил и прочувствовал.

Наиболее показательное в этом отношении произведение — Соната *си* минор для баяна. Главная тема первой части произведения — волевая, решительная, суровая — по замыслу автора, образ Родины. Побочная — напевная, лирическая, как бы раздумье о суровых днях войны.

В разработке широко развиваются образы экспозиции. Здесь немало конфликтных ситуаций. Реприза, как следствие прошедших событий, — еще более напориста, чем экспозиция. В мелодию, изложенную октавами, вторгается движение шестнадцатыми, подчеркивая ее волевое начало. Завершение, как апофеоз, звучит монументально, мажорно, помпезно.

Вторая часть написана в вариационной форме. Тема сопровождается мелодизированным басом, сохраняющимся почти во всех вариациях. В отличие от первой части, музыка второй — задумчивая, мечтательная. Вместе с тем она таит в себе и беспокойство. Каждая из вариаций привносит в тему нечто новое, дополняя и углубляя основной образ.

Третья часть — скерцо, легкое, воздушное. В среднем эпизоде звучит неприхотливая мелодия, напоминающая вальс. Это, пожалуй, самая светлая, жизнеутверждающая тема во всей сонате.

Четвертая часть — финал. Начинается он вступлением, в основе которого — главная партия первой части: величественная, широкая, после чего — Presto, стремительное в своем движении, все сметающее на своем пути.

«Биография» сонаты началась в Климово, на Брянщине. Где только Чайкин ни работал над ней! Он сочинял ее в автобусе, в землянке, в лесу — везде, где только представлялось возможным выкроить время

между концертами, репетициями и бесконечными переездами. Напишет несколько тактов, и они тут же исполняются мною. Сыграешь, бывало, и так хочется побыстрее узнать, а что же будет дальше, как Чайкин продолжит мысль? И, признаюсь, нередко он делал совершенно неожиданные повороты: я думал, что развитие пойдет в одном направлении, а он излагал его совершенно по-другому. Откровенно говоря, я завидовал его технике, умению избрать единственно возможное продолжение. Бывало и так: развивая мысль автора, я импровизировал на баяне. Иногда это совпадало с мыслями Чайкина, и он тут же записывал сыгранное. Во всяком случае, видя мою увлеченность, автор всячески поощрял инициативу, особенно тогда, когда речь шла об определении фактуры, удобной для исполнения. И чем больше Николай Яковлевич познавал баян, тем больше я понимал сам процесс сочинения музыки. Таким образом, происходило взаимное обогащение.

Как только сочинение было готово, я включил отдельные его части в концертные программы нашего ансамбля.

Сонату слушали и солдаты, и видные военачальники. Особенно запомнилось мне исполнение этого произведения при встрече с маршалом Г. К. Жуковым, который, как известно, был страстным любителем баяна. После освобождения советскими войсками города Люблина исполнял я сонату Чайкина и польскому пианисту, профессору С. Шпинальскому (в послевоенное время он был первым ректором Варшавской консерватории).

В октябре 1944 года состоялось официальное прослушивание сонаты в Союзе композиторов Украины. Сочинение слушали видные украинские композиторы К. Я. Доминчен, О. А. Сандлер, А. Д. Филиппенко, А. Я. Штогаренко, Е. Е. Юцевич и другие, а также ряд педагогов консерватории. Они высоко оценили нашу работу.

После официального показа ноты были переданы на кафедру народных инструментов Киевской орден Ленина государственной консерватории имени П. И. Чайковского. С этого момента и началась концертная жизнь произведения, занявшего одно из ведущих мест в учебном репертуаре.

По окончании войны, будучи солистом Киевской государственной филармонии, я включал сонату в концертные программы. А позже сделал инструментовку финала для квартета баянистов.

Где мы только ни играли его: в Москве и Ленинграде, Таллине и Свердловске, на целине и БАМе, во многих других городах и селах.

В мае 1970 года финал сонаты был в программе наших выступлений в Германской Демократической Республике на Международном конкурсе баянистов и аккордеонистов.

Запомнилось исполнение этого финала для участников первого Всесоюзного семинара преподавателей отделений народных инструментов музыкальных училищ и консерваторий, который состоялся в Киеве в апреле 1963 года. Присутствовавшего на концерте Н. Я. Чайкина тепло встретили участники семинара.

Отзывы прессы свидетельствуют о неизменном успехе этого произведения:

«...Финал сонаты Н. Чайкина с особенной полнотой показывает выразительные и технические возможности баяна как солирующего и ансамблевого инструмента»¹.

«Хочется особенно отметить оригинальную и музыкально насыщенную сонату Чайкина, прекрасно сыгранную квартетом. Она требует от исполнителей-баянистов особенного проникновения в передачу музыкальных образов и ярких красок произведения»².

«Какое еще чудо преподнесут нам мастера-баянисты? И вот оно — чудо: финал сонаты Чайкина. Какой размах! С какой силой передает в нем квартет то бурно-патетическую взволнованность, то лирическую теплоту...»³

Другой значительной работой, созданной Н. Чайкиным в годы войны, была музыка к «Гвардейской кавалерийской сюите», которую поставил П. Вирский.

Н. Чайкин работал над сюитой, без преувеличения можно сказать, день и ночь. Как только была готова в клавире какая-то часть музыки, один из баяни-

¹ Рад. мистецтво, 1954, 31 берез.

² Півд. правда, 1958, 15 лип.

³ Правда Украины, 1960, 5 нояб.

стов разучивал ее и вместе с Николаем Яковлевичем показывал Вирскому. Внимательно прослушав музыку, Павел Павлович либо принимал ее, либо высказывал автору свои пожелания, которые он должен был учесть в дальнейшей работе.

Композитору было нелегко сотрудничать со столь требовательным балетмейстером. Для Вирского музыка была не просто фоном танца, а его драматургической основой. В музыке черпал он мысли, идеи, образы для постановки, для воплощения их средствами хореографии. Тот или иной характер мелодии подсказывал ему определенное танцевальное движение, рисунок, композицию. Короче, Павел Павлович великолепно разбирался в музыке, играл на фортепиано, так что с композитором он вел диалог «на равных».

Николай Чайкин выдержал этот трудный экзамен. Его музыка, яркая, эмоциональная, образная, давала постановщику огромный простор для размышлений и фантазии.

Мне особенно запомнилась третья часть — «Краковяк». Сколько выдумки, оригинальных, свежих для восприятия вариаций было в обработке этого известного польского танца. Помню, с какой жадностью я набросился на партитуру «Краковяка», анализируя буквально каждый такт, что дало мне, будущему руководителю квартета баянистов, очень много. При этом следует учесть, что состав оркестра нашего ансамбля был специфичен. Заставить его звучать так согласованно мог только композитор, блестяще владеющий искусством инструментовки, к тому же досконально знающий каждый инструмент, входящий в состав оркестра.

Известным стал и еще один номер из сюиты — «Русский танец». Позже его включали в свои концертные программы и Государственный академический русский народный оркестр имени Н. П. Осипова, и оркестр народных инструментов Всесоюзного радио и Центрального телевидения, и другие профессиональные и самодеятельные коллективы.

Кульминация «Гвардейской кавалерийской сюиты» — «Танец с клинками». Он отличается темпераментной, эмоциональной музыкой. На сцене как бы разгорался захватывающий, настоящий бой.

Заканчивалась сюита массовой сценой. В ней принимали участие хор, оркестр, солисты-певцы, балет и

чтец. Это было монументальное зрелище с величественным апофеозом, в котором звучали призывные слова, обращенные к зрителям-воинам: «Вперед, бойцы, на бой святой и правый!»

«Гвардейскую кавалерийскую сюиту» ансамбль исполнял до самого конца войны. Ею восхищались на Волге и Курской дуге, на Днестре и Висле, на Одере и Шпрее. На концерте, состоявшемся в Краснознаменном зале Центрального Дома Красной Армии, присутствовали видные советские композиторы, в том числе и А. Хачатурян. Композитору понравилась сюита, но особенно — танец с клинками.

Хоровое и хореографическое искусство нашего ансамбля, несмотря на сложные условия фронтовой жизни, было академическим. Хор звучал интонационно чисто, слаженно. Он отличался тембровым богатством, а пляски в постановке П. Вирского были подлинным открытием в области сценической хореографии. И не случайно, увидев их в Москве, художественный руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии А. В. Александров пригласил постановщика в свой ансамбль (в 1943 году П. Вирский был назначен балетмейстером этого коллектива).

Общей чертой художественных руководителей ансамбля Е. Шейнина и П. Вирского была бескомпромиссность в искусстве, стремление к достижению самого высокого художественного результата. Они доводили до совершенства все детали, каких бы усилий это ни стоило. Стремились и в песне, и в пляске глубоко раскрывать авторский замысел, заложенный в данном произведении. Вспоминается, как тщательно работал Е. Шейнин над звуком, фразой, нюансировкой, динамикой, как заботился он о слове, дикции, артикуляции.

Мы, музыканты, наблюдавшие за работой Е. Шейнина, порой удивлялись его терпению, которое он проявлял в поисках средств для достижения художественного совершенства. И, скажу откровенно, своей одержимостью он восхищал не только артистов хора, но и нас, оркестрантов. Казалось бы, исчерпав себя в работе с хором, он оставит нас, оркестрантов, в покое, довольствуясь уже достигнутым. Но, когда он начал репетировать с оркестром, мы видели, сколь многого еще можно достичь, шлифуя детали.

Присутствуя на репетициях П. Вирского, мы удивлялись его неистощимой фантазии, находчивости, выдумке, стремлению обогатить солдатскую пляску новыми формами и содержанием. Он всегда работал с огромным увлечением, никогда не щадя себя на репетициях. Как-то уже после войны я зашел к нему в кабинет. Никого там не застал. Вскоре появился Павел Павлович. Он был утомлен до изнеможения. «Что с вами?» — спросил я. «Ничего особенного, — ответил Вирский. — Я ставил новый танец». Увлекая других своим примером мастера-художника, он требовал и от них такого же напряжения и творческой увлеченности.

Е. Шейнин и П. Вирский стремились к тому, чтобы на репетиции царила творческая атмосфера, заинтересованность и высокая дисциплина. Это было у нас правилом, которого мы всегда придерживались.

Участники ансамбля были буквально заморожены стилем и методами работы Е. Шейнина и П. Вирского. Как губка, впитывали мы их знания, опыт. Для меня лично наши руководители остались на всю жизнь образцом верного служения искусству, примером влюбленности в свое дело. Их имена живут в моей памяти, в памяти моих товарищей — их воспитанников, в памяти всех тех, кому в грозные годы Великой Отечественной войны довелось встречаться с Ансамблем песни и пляски Юго-Западного фронта.

ТАК УЧИЛ НАС ПАВЕЛ ВИРСКИЙ

Творчество народного артиста СССР Павла Павловича Вирского — многогранно, самобытно, талантливо. Многие танцы, созданные им, успешно исполняются в ряде коллективов страны, в том числе и в Дважды Краснознаменном академическом ансамбле песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова.

Щедрое наследие этого мастера хореографического искусства живет и поныне в сердцах многочисленных зрителей и почитателей его таланта. Занимает оно видное место в творческой и педагогической деятельности его учеников. Это настоящая школа воспитания артистической молодежи, дальнейшего развития сценической хореографии, высокого мастерства артистов балета и постановщиков танцев — собирателей и хранителей фольклора.

Я учился у Павла Павловича познавать природу и красоту народного танца, музыки, искусство композиции, методику постановочной, режиссерской работы.

В годы Великой Отечественной войны Ансамбль песни и пляски Юго-Западного фронта, воодушевляя славных воинов на ратные подвиги во имя защиты Родины, пронес свое жизнеутверждающее искусство от Киева до Берлина.

С первых дней войны, в условиях фронта, создавались новые армейские, русские, украинские, белорусские танцы, явившиеся образцом для многих коллективов народных ансамблей.

Большое впечатление на зрителей производила созданная в 1942 году «Гвардейская кавалерийская сюита», сыгравшая важную роль в деле военно-патриотического воспитания воинов. В ярком, захватывающем действии сюиты раскрывались образы наших бойцов, вставших на защиту Отчизны, утверждалась несокрушимая вера в победу.

Эпизоды атаки, бесстрашной схватки с врагом достигали такого внутреннего накала, что все танцовщики, казалось, дрались, как в настоящем бою, а зрители чувствовали себя участниками сражения. Так учил нас П. П. Вирский. И мы, считая тогда сцену полем боя,

отдавали все свои силы и умение, чтобы достойно выполнить свой долг.

Мне довелось в этой сюите исполнять роль разведчика. Его образ раскрывался в сложной хореографической форме. Нужно было показать готовность наших воинов смело идти на врага, чтобы победить.

Музыку для сюиты написал Николай Чайкин, стихи для вступления и финала сюиты — Н. Ваганов, читал А. Сыроватский.

А сколько аплодисментов вызывала солдатская пляска «Барыня»! В этом танце П. П. Вирский раскрывал идею дружбы, сплоченности и единства советских воинов. По сюжету танца каждый исполнял какую-то пляску, популярную в его родных краях. Я, скажем, представлял солдата-грузина, который поет частушки, ставшие солдатской клятвой:

Слово честного грузина,
Что на площади Берлина
Я, пехоту веселя,
Протанцую «Шамиля»!

И — танец.

Это сбылось. Уже 3 мая 1945 года, когда в Берлине еще дымились развалины, у Бранденбургских ворот выступал наш фронтовой ансамбль, и воины-победители с особой радостью аплодировали солдатской пляске, в которой звучали полюбившиеся всем частушки.

В своих постановках Павел Павлович умел отказаться от излишнего ради утверждения основного направления танца, ведущей идеи. Главное для него было — раскрыть содержание в интересной форме.

Для нас, учеников П. П. Вирского, созданный им стиль солдатской пляски является школой творческого подхода к решению сложных хореографических проблем, и мы благодарны нашему учителю за это.

Павел Павлович всегда уделял серьезное внимание воспитанию постановщиков танца. Однажды, собрав коллектив, он долго беседовал на эту тему и дал нам задание — самим поставить пляски для бригадных концертов. Так были поставлены пляски: «Веселые козегары» — В. Викена, А. Даничкина и Г. Герасимова, «Русская» — А. Трубицына, В. Микитенко, Г. Пригорницкого, «Украинский гопак» — М. Виленского и Я. Додина.

В чем секрет успеха танцев, поставленных П. П. Вирским?

Определяется он прежде всего их народностью, глубоким содержанием, высоким артистическим мастерством исполнителей. Здесь и героические сюжеты, и лирические веснянки, и картины современной жизни, и народный юмор.

«Не танцевать движения,— часто подчеркивал Павел Павлович,— а рассказывать в танце, раскрывать содержание пластикой». Эти слова ярко отражают его творческое кредо. Сам Павел Павлович работал всегда с большим напряжением, не зная усталости. Он постоянно добивался от артистов высокого профессионального исполнения.

Многие танцоры, работавшие с Павлом Павловичем, становились не только артистами высокой квалификации, но и постановщиками: заслуженный артист СССР Александр Даничкин руководит хореографическим ансамблем, Михаил Виленский возглавил танцевальный коллектив Полесья, Григорий Пригорницкий — балетмейстер Киевского государственного ордена Ленина академического украинского драматического театра им. Ивана Франко, Борис Каменкович — постановщик танцев Укрконцерта, Владимир Викен, Борис Белоцерковский, Владимир Микитенко, Гавриил Прокофьев, Александр Трубицын, Яков Додин и Энвер Алиев — руководители художественной самодеятельности.

Созданные П. П. Вирским концертные программы в Ансамбле танца СССР (ныне Государственный заслуженный академический ансамбль народного танца Украинской ССР имени П. Вирского), где он был художественным руководителем, стали современной школой сценической хореографии. Каждый танец в этом ансамбле — законченное высокохудожественное произведение.

Яркие и красочные спектакли ансамбля танца СССР, который сейчас носит имя Павла Вирского, всегда вызывают восхищение у зрителей, являются свидетельством расцвета советского хореографического искусства. Они отражают наше стремление бороться за мир и дружбу между народами.

«ЦЕХ КОМИКОВ»

Это был последний мирный концерт в Киеве. В зале Киевской государственной консерватории имени П. И. Чайковского состоялось выступление победителей первого тура II Всесоюзного конкурса артистов эстрады.

Зрители аплодировали певцам, танцорам, чтецам, акробатам, иллюзионистам... Конферировали мы — в образах милиционера и театрального осветителя.

Атмосфера в зале и на сцене приподнятая. Успех полный! Концерт тогда затянулся. Возбужденные артисты разошлись далеко за полночь.

Нам вручили направление в Москву на второй тур конкурса.

Итак, завтра — в Москву!

Но... этим завтра было 22 июня 1941 года.

Началась война.

Мы все-таки поехали в тот день на вокзал... Конечно, не для того, чтобы отправиться в Москву, а чтобы выступить перед первыми эшелонами солдат, уезжавших на фронт.

В те первые дни война неожиданно прервала «карьеру» наших сценических героев — милиционера и осветителя. Произошло это при трагикомических обстоятельствах. Каждый день, сложив в чемодан комбинезон осветителя и милицейскую форму, мы отправлялись выступать на вокзал, в госпиталь, на призывные пункты. Однажды радиостанция Киева сообщила, что в районе города брошены фашистские диверсанты и часть из них одета в милицейскую форму. Киевлян призывали к бдительности.

И надо же было так случиться, что при посадке в трамвай наш чемодан раскрылся и на землю вывалилась... милицейская форма. Пассажиры трамвая грозно двинулись на нас. Не обращая внимания на наши оправдания и заверения, нас отвели в ближайшее отделение милиции. По дороге наиболее рьяные товарищи выражали свое отношение к «диверсантам» не только на словах, но и на деле. Перед начальником милиции мы предстали в жалком виде: один с подбитым глазом, другой с кровоточащим носом. Но, несмотря на

несколько измененный вид наших физиономий, истина была установлена, нас реабилитировали. Толпа разошлась. Начальник милиции предложил нам забрать вещи и идти домой. Однако выходить на улицу с чемоданом, в котором лежит милицейская форма, мы уже не рискнули. Роль «фашистских диверсантов» была нам явно не по душе.

Мы оставили начальнику отделения милиции свои костюмы, тем более, что на следующий день должны были надеть форму, в которую оделась вся страна. В карманах у нас лежали повестки военкомата: мы должны были явиться в воинскую часть.

Этой воинской частью оказался Ансамбль красноармейской песни и пляски Юго-Западного фронта. Так начался наш воинский путь. Мы прошли с армией от Киева до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина.

Наши сценические герои были также мобилизованы. Им пришлось поменять профессии. В ансамбле появилась комическая пара — повар походной кухни в колпаке, с поварешкой и банщик с березовым веником в руках. Повар Галкин и банщик Мочалкин.

Почему повар и почему банщик?

Как бы объясняя это зрителям, мы пели в июле 1941 года:

Б а н щ и к. Лезут к нам фашисты-гады,
В наши села, города.
Шею им намылить надо
Один раз и навсегда!

П о в а р. Мы к обеду их не ждали,
Но составили меню:
Тонны пороха и стали
На фашистскую свинью!

Эстрадных авторов у нас тогда не было, и нам приходилось самим создавать репертуар. Один из авторов этих воспоминаний, Ю. Тимошенко, увлекался поэзией. И теперь это пригодилось. Мы понимали, что сочиненные нами стихи и куплеты далеки от литературного совершенства, часто излишне «сочны» или же грубоваты, но веселый задор, острая сатира на фашистов, злободневность обеспечивали успех выступлений перед фронтовым зрителем.

Сколько их было, этих концертов! Выступали в условиях, очень далеких от концертных. На лесную поляну-«сцену» приходили зрители, еще неловко чув-

ствовавшие себя в военной форме. Они смотрели концерт и уходили. Их сменяли другие — концерт начинался опять. Так с утра и до наступления темноты шли представления. Уставшие, мы тут же, на сцене, ложились спать, чтобы утром начать все сначала.

Певцы не жаловались на то, что «не звучит» голос, танцоры забывали об усталости, у оркестрантов пухли губы, но концерты шли один за другим. После ста выступлений нам обещали один день отдыха в Киеве. Все ждали этого дня: у многих в городе остались родители, жены, дети... Но попасть в Киев мы так и не смогли.

Ансамбль двигался вместе с армией. Мы выступали и в госпиталях, на аэродромах.

...Запомнилось нам, как по дороге на Сумы наши хлипкие автобусы не выдержали (ехали под дождем, дорога раскисла). Мы перегрузили инструменты, костюмы и реквизит на последний грузовик и медленно двинулись вперед.

Но вот заглох мотор и у грузовика...

Шофер залез под машину, а к нам уже бежали люди помочь убрать ее с дороги, чтобы мы не задерживали движение колонны.

— В чем дело?! — недовольно спросили нас.

Все молчали. И тут нашелся кто-то из танцоров ансамбля, послышался озорной ответ:

— Хотим дать вам концерт. А то все едем да едем... передохнуть надо.

Парень лихо притопнул, да так, что брызги грязи полетели в стороны. За ним медленно пошли в пляс другие ребята. Это был коронный номер — «цыганочка». Они плясали, актеры дружно хлопали товарищам, и сумрачные лица солдат светлели, в глазах зажигались улыбки. Со всех сторон сбегались бойцы на интересное представление. К аккомпанементу ладоней присоединился баян. Танцоры лихо отбивали чечетку.

Изредка они тихо спрашивали у шофера: «Отремонтировал?» — и, получив отрицательный ответ, начинали новое колено, очередной трюк. Но вот в хохот бойцов и музыку баяна ворвался ровный рокот исправленного мотора грузовика. Лихо притопывая, танцоры закончили танец.

Колонна двинулась вперед. Может быть, кто и догадался о причине этого необычного концерта, но раз-

рядка была так кстати, что никто не решился его превратить...

Мы продолжали двигаться на восток. Грязь на дорогах сменилась снегом. Днепровские куплеты — донскими частушками. Вскоре нам пришлось исполнять и волжские напевы. Сложно веселить слушателей в такие дни. Родная Украина была под фашистским ярмом. Все тосковали по родным местам...

Тогда и пришла подмога в «цех комиков», как в шутку называли наш дуэт в ансамбле. Мы встретились с поэтом-сатириком Александром Ильичем Безыменским. Он работал в редакции фронтовой газеты. Благодаря ему в нашем репертуаре появились куплеты и песенки. Позже мы не раз встречались с ним на разных участках фронта.

По восемь-десять выступлений в день — на открытом воздухе. В трудную зиму 1941 года это считалось нормальным.

Однажды под Купянском мы выступали при температуре минус 30 °С. Концерт проходил в помещении привокзального склада с раскрытыми с обеих сторон дверьми. К морозу прибавился сквозняк. Наши зрители топтались на месте, пытаясь согреться. Танцоры выступали в гимнастёрках и тонких сапогах. Но они хоть двигались. А каково было нам в рубашечке банщика и в белом костюме повара?! Металлическая поварешка прилипала к коже...

Когда мы кончали выступление и убегали «за кулисы», то есть прятались за хор, танцоры набрасывали на нас шинели, толкали, мяли, вертели, чтобы как-то согреть.

Но слушатели не уходили с концерта, а мы не сокращали программу. И сейчас нередко вспоминаем, удивляемся, как мы тогда не простудились, никто не схватил даже легкого насморка — нас согревало тепло, с каким относились к нам все, кто был тогда рядом.

В своих куплетах и сценках мы старались откликаться на события сегодняшнего дня. Вспоминая сейчас наш фронтовой репертуар, как бы перелистываешь страницы истории Великой Отечественной войны. Каждое событие на фронте, каждое очередное сообще-

ние Совинформбюро находило отклик в наших выступлениях.

Используя популярную тогда песенку «И кто его знает?», которую написал В. Захаров на слова М. Исаковского, мы сочиняли злободневные куплеты.

Когда стало ясно, что пресловутый блицкриг Гитлера бесславно провалился, мы пели:

«Я возьму Россию мигом!» —
Говорил кровавый пес.
Вместо мига вышла фига
Прямо фюреру под нос!

И кто его знает,
О чем он мечтает?
Он много желает,
Но шиш получает!

Советские войска разгромили фашистских захватчиков под Сталинградом. Повар и банщик выносили на сцену забавный аппарат, состоящий из двух медных труб:

Аппарат точный и не грубый —
Сталинградские медные трубы.

Мочалкин вставлял в аппарат карикатурные портреты фашистских вояк...

Много ходило на штурм Сталинграда
Разных мастей всевозможнейших гадов.

Галкин прокручивал сквозь «медные трубы» эти портреты.

Из тех, что ходили по этой дорожке,
Нынче остались рожки да ножки!
Вот как, вот как, —
Рожки да ножки!

Насколько легче стало выступать перед наступающей армией! Нашими зрителями были победители! Каждая шутка, каждое острое словцо в адрес врага вызывали единодушный смех и одобрение!

Пришел праздник и на нашу улицу!

Утром Совинформбюро сообщило об освобождении Армавира. И днем мы уже пели:

Писем фрау ждет с Кавказа,
Но молчит ее кумир —
Он вчера покинул сразу
Божий мир и Армавир!

В номере «Курская дуга» мы показывали, как под ударами нашей армии грозные фашистские «тигры» и «пантеры» превращались в жалких котят.

Шла героическая битва за Днепр. Галкин и Мочалкин выходили на сцену с таким куплетом:

На Днепре врага разбили
Здравствуй, Киев наш родной!
Ой, не тратьте, фрицы, силы
Та й спускайтесь на дно!

Облетело страну известие об освобождении Украины, родились куплеты:

Не страшны твои машины,
Поджигатель мировой!
Покатился с Украины
Ты кибиткой кочевой!

Война приближалась к своему победному концу. Впереди — битва за Берлин. Мы пели бойцам песенку:

Недалеко осталось нам
К родным деревням, городам.
Хоть вы — калужские,
Вы — белорусские,
А вы — псковские, —
Все равно!
Одна дорога, путь один —
Идти домой через Берлин.
Сквозь бури грозные —
Бои серьезные,
Зато последние бои!

Весело прозвучала последняя песенка из репертуара Галкина и Мочалкина:

На берлинской улице
Публика волнуется,
Громыхает музыка, хоть пускайся вскачь!
Приобмундированный,
Демобилизованный
Шествует по улице старшина-усач!
Воина завязатого,
Старшину усатого,
Провожает гвардия — все, как на подбор:
Воины достойные,
Офицеры стройные
И даже, кто б вы думали? Генерал-майор!

В польский город Люблин ансамбль прибыл на следующий день после того, как оттуда выгнали фашистов. Боевые части, не задерживаясь, ушли вперед, и в этом уцелевшем, залитом солнцем городе мы были почти единственными представителями Красной Армии. И нас благодарили за их освобождение.

Первое выступление состоялось в парке. Нам показалось тогда, что на концерте присутствовало все население города. Каждый номер программы приходилось исполнять по нескольку раз. Сцена была засыпана цветами. А когда ансамбль начал петь польский гимн, все встали, голоса присутствующих слились в один могучий хор. Не успел ведущий объявить об окончании концерта, как зрители бросились на сцену, стали пожимать артистам руки, приглашать к себе домой. Вопрос о расквартировании чуть не вызвал «дипломатического конфликта» — артистов было сто, а тех, кто приглашал нас, — весь город!

Концерты в Люблине, Лодзи, Познани, во многих других городах Польши шли с неослабевающим успехом. Хор разучил и пел польские песни. Мы вдвоем выступали на польском языке.

Война была закончена. 9 мая 1945 года во время торжественного салюта в честь Победы вместе с героями штурма Берлина мы разрядили свое оружие в притихшее берлинское небо.

Наступил мир, которого мы так ждали все эти трудные годы. Вскоре и мы, и наши сценические герои были демобилизованы, и веселый поезд помчал нас в родной Киев.

С гордостью и теплотой вспоминаются сегодня фронтовые концерты. Никогда мы не были так близки нашим слушателям, как в те трудные годы, когда вся страна жила одним стремлением — победить! Бережно хранятся костюмы и парики Галкина и Мочалкина. Аккуратно сложены в сундук березовый веник и мочалка банщика, колпак и поварешка повара. Отдыхайте, вы сделали свое дело! И пусть никогда не повторяются военные годы.

НИКОЛАЙ ФОКИН,
народный артист СССР

«ФРОНТОВИКИ, НАДЕНЬТЕ ОРДЕНА!»

Старшина Филипп Корицкий приступил к выполнению своих служебных обязанностей:

— Становись! Равняйся! Смирно!

Рапорт принимали бывшие начальники фронтового ансамбля подполковники Л. Г. Яновский и К. П. Корнеев.

Докладывал бывший командир роты, композитор, народный артист РСФСР Марк Фрадкин:

— Ансамбль песни и пляски Юго-Западного фронта построен!

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравия желаем, товарищ подполковник!

— Поздравляем вас с всенародным праздником — Днем Победы!

— Ура!

— Товарищ старшина, сделайте перекличку личного состава.

— Юрий Тимошенко!

— Я!

— Ефим Березин!

— Я вас слушаю, товарищ старшина.

— Разговорчики в строю... Юрий Тоцкий! Павел Малимоненко! Николай Доброскок!..

Так начинаются традиционные встречи фронтовых друзей. Солидные люди, известные имена, а задор у всех — молодой, настроение — боевое! Как в былые времена. Из Москвы, Харькова, Ташкента, Ростова-на-Дону, Львова, Одессы приезжают в Киев ветераны войны, участники ансамбля, на встречу со своими побратимами. Собираемся мы всегда в Киевском окружном Доме офицеров, там, где родился и рос наш коллектив.

...А перекличка продолжается. Кто-то замешкался и не откликнулся в строю, кажется, А. Сегаль. И тут же строгий старшина объявляет народному артисту СССР, балетмейстеру Александру Сегалю:

— Два наряда вне очереди!

Строй — строим. Перекличка — перекличкой. А радость встречи неудержимо льется через край. Вот уже все атакуют Галкина и Мочалкина, ставших Тара-

пунькой и Штепселем. Они не только любимцы публики, но и друзей — тоже! Начинаются расспросы, воспоминания, песни... И тут же как боевой друг взлетела новая песня Д. Тухманова на слова В. Харитонова о Победе. Ее запел Остап Дарчук:

День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем, таял уголек.
Были версты, обгорелые, в пыли, —
Этот день мы приближали как могли.

В тот праздничный день личному составу Ансамбля песни и пляски Юго-Западного фронта были вручены медали «За оборону Киева».

Вручение правительственных наград, как и на фронте, проходило в торжественной обстановке.

Вставали в памяти первые воинские эшелоны. Припоминались выступления на железнодорожных платформах и полустанках, вокзалах и призывных пунктах.

— Я счастлив, — сказал инженер Александр Добринский, — что мне довелось присутствовать на такой волнующей встрече защитников Родины, с которыми мой отец Василий Гаврилович Добринский прошел по дорогам войны. Мы приехали сюда из Умани всей семьей. Мой сын еще маленький, но мы и его привезли на этот праздник...

И для маленького сына А. Добринского, и для всех мальчиков и девочек в красных галстуках, которые приходят вручить фронтовикам цветы, эти встречи остаются в памяти незабываемыми уроками патриотического воспитания.

Память о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне увековечена в обелисках и монументах, возвышающихся на полях сражений, в городах и селах. Имена защитников Родины носят улицы и площади, предприятия и корабли, школы и пионерские дружины.

И сегодня песня военных лет — не только незабываемое воспоминание, не только живое воплощение тех трудных, героических дней. Она является свидетелем высокого боевого духа воинов-освободителей, сплоченности и нерушимого единства партии и народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Антипенко Н. Боевой запеваля	3
Сыроватский А. Переключка	5
Долматовский Е. Мои поющие боевые друзья .	25
Палийчук Б. И наша песня ширилась крылато .	28
Фрадкин М. Ансамбль, который всегда со мной .	31
Чайкин Н. О друзьях-товарищах...	33
Ризоль Н. Музыка в солдатских окопах	38
Сегаль А. Так учил нас Павел Вирский	44
Тимошенко Ю., Березин Е. «Цех комиков» . . .	47
Фокин Н. «Фронтовики, наденьте ордена!» . .	54

АРТИСТЫ-ВОИНЫ

Очерки, воспоминания

Составитель Анатолий Яковлевич Сыроватский

Киев, «Музычна Україна», 1985

Редактор Н. Ф. Мищенко

Обложка художника В. А. Егорова

Художественный редактор Б. С. Куйбида

Технический редактор М. Г. Чередник

Корректоры Г. Н. Вильховская, Т. И. Павлюк, Н. Б. Ревуцкая

ИБ № 1339

Сдано в набор 11.06 85. Подписано к печати 05 08 85.
БФ 40837. Формат 84×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гар-
нитура литературная. Способ печати высокий. Услов.-печ. л.
2,73+0,58 вкл. Услов краско отт. 3,6. Учег. изд. л 2,47+0,42
вкл. Тираж 10 000 экз. Заказ № 693. Цена 25 к.

Издательство «Музычна Україна», 252004, Киев, Пушкин-
ская, 32.

Белоцерковская книжная фабрика, 256400, Белая Церковь,
Карла Маркса, 4.

В. М. Минько. 1937 год.

О. И. Дарчук — исполнитель «Думы про Украину»
(музыка Е. Шейнина, слова народные). 1942 год.

Е. А. Долматовский. 1942 год.

Повар Галкин и банщик Мочалкин.
Исполнители — Е. И. Березин и Ю. Т. Тимошенко. 1942 год.

А. Н. Сегаль. 1943 год.

П. М. Шмигельский. 1945 год.

Е. П. Шейнин. 1945 год.

После концерта. 3 мая 1945 года.

П. П. Вирский. 1947 год.

М. Г. Фрадкин. 1980 год.

Н. И. Ризоль. 1980 год.

Н. Я. Чайкин. 1980 год.

25 к.